

На правах рукописи

Тухфатуллина Альфия Гусмановна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ШАУКАТА ГАЛИЕВА**

**10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой
степени кандидата филологических наук**

**Казань
2006**

Диссертация выполнена на кафедре татарского языка
Казанского Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина»

- Научный руководитель:** доктор филологических наук, профессор
Хисамова Фагима Миргалиевна
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, профессор
Гарипова Фердаус Гарифовна
кандидат филологических наук, доцент
Хасанову Фариду Фирдавесовну
- Ведущая организация:** Елабужский государственный
педагогический университет

Защита диссертации состоится 2 марта 2006 г. в ... часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.12 в Казанском государственном университете им. В.И.Ульянова-Ленина по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18, корп. 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-Ленина.

Автореферат разослан « » января 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

Загидулина Д.Ф.

Актуальность темы исследования

Творчество Шауката Галиева является ценным вкладом в развитие татарской литературы. До настоящего времени многие исследователи обращали внимание главным образом на идейно-содержательный аспект его творений.¹ Изучение литературного наследия Ш.Галиева в языковом направлении продолжало оставаться вне поля зрения филологов. Несмотря на наличие отдельных статей, носящих фрагментарный характер, до сих пор отсутствуют специальные монографические исследования о поэтическом языке произведений Ш.Галиева.

Диссертация посвящена раскрытию своеобразия поэзии Ш.Галиева в употреблении языковых ресурсов при создании поэтического текста. Изучая и выделяя экспрессивные языковые и стилиевые приемы, раскрывая богатство языковых средств, мы видим, как создается истинная поэзия, филигранный поэтический текст. Кроме того, язык любого писателя или поэта изучается как свидетельство состояния поэтики его эпохи и как определенное историческое звено в развитии и обогащении литературного языка. А поэту, который действительно признан знатоком слова, должны быть присущи свои языковые манеры, стилистические приемы, как неотъемлемая часть творчества. В этом плане изучение языка художественных произведений одного из талантливых татарских поэтов Шауката Галиева приобретает научно-практическое значение.

Поэтический язык Ш.Галиева, структура его стихотворений, богатых разнообразными изобразительно-выразительными средствами: тропами и синтаксическими фигурами, вызывает интерес с разных точек зрения – и как своеобразный стиль, и как индивидуальный творческий метод поэта.

Цели и задачи исследования

В настоящей работе подвергнуты анализу стихотворные тексты различных жанров Ш.Галиева в лингво-поэтическом аспекте. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

- выявление своеобразия слов и выражений в прямом, непосредственном значении;
- выявление особенностей употребления переносных значений слов и выражений;
- рассмотрение фразеологических единиц и определение особенностей их употребления;
- раскрытие своеобразия употребления поэтического синтаксиса;
- определение метрических систем.

¹ Галиев Ш. Остазларым фатихасы: Ижаты турында Ә Фәйзи, С.Хәким, Х.Туфан язган мөкаддәләт тулланмасы / Ш.Галиев // Мирас – 1998. – № 12. – Б. 54–60; Галиуллин Т. Еллар юлга чакыра / Т.Галиуллин. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1969. – Б. 76–80; Хәким С. Уз тавышын белән. / С. Хәким. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1969. – Б. 215–221; Юзиев Н. Шигърият дөньясында. / Н.Юзиев. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1981. – Б. 234–255.; Кукушкин Р. Канатлы дөнья / Р.Кукушкин – Казан: Тат. кит. нәшр., 1984. – Б. 115–144.; Сибгәт Р. Шәүкәтлек. / Р.Сибгәт // Мирас. – 1998. – №11. – Б. 157–161; Ахунов Г. Шагырь ачкан дөнья / Г.Ахунов //Казан утлары – 1998. – № 11 – Б. 161–173; Яхин А. Озак яшәүнең сәре / А.Яхин // Мирас – 1998. – № 12. – Б. 48–53

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в татарской филологии комплексно исследуются стилистические, поэтические и языковые особенности стихотворений Ш.Галиева.

Практическая значимость исследования состоит в том, что теоретические выводы данной научной работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях языка художественных произведений других поэтов; материалы данной работы могут применяться при чтении курса лингвистической стилистики и поэтики; работа может быть полезной в процессе преподавания татарского языка и литературы в вузах, лицеях, гимназиях и школах.

Объект исследования – стихотворно-поэтические тексты Ш.Галиева в различных жанрах созданных в 1960 – 2005 г.

Теоретической базой исследования послужили труды известных философов, языковедов и литературоведов (Аристотель, В.В.Виноградов, А.П.Квятковский, Р.О.Якобсон, Б.В.Томашевский, А.А.Потебня, Х.Р.Курбатов, М.Х.Бакиров, И.Б.Баширова, С.Ш.Поварисов, Ф.С.Сафиуллина, Т.Н. Галиуллин, В.Х.Хаков, Н.Г.Юзиев и др.).

Метод исследования При комплексном анализе произведений Ш.Галиева использованы следующие методы исследования: описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный, функционально-стилистический.

Апробация работы

Результаты исследования легли в основу доклада на региональной научно-практической конференции в Стерлитамакском педагогическом институте РБ (2003 г.), на Республиканском научно-методическом семинаре, проведенного в Арском педагогическом колледже (2005 г.) и отражены в пяти статьях, опубликованных в научных изданиях.

Структура диссертации Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии.

Основное содержание диссертации

Во введении изложены актуальность темы, научная новизна диссертации, определены цели и задачи исследования, практическая значимость работы, указаны методологические источники и методы, а также приведены сведения о структуре диссертации и апробации результатов исследования.

Первая глава называется «**Металогический прием в стихотворных текстах Ш.Галиева**».

Стиль художественной поэтической литературы отличается эмоциональностью и широким употреблением изобразительно-выразительных средств языка. Особую роль здесь играют слова в переносном значении, которые называются греческим термином «троп» (троп – значит способ выражения, оборот, образ). В основе возникновения тропа лежит соотнесение двух явлений, одно из которых служит для пояснения, для понимания другого². При помощи тропа писатель получает возможность более четко выделить в явлении его особенности, придать ему конкретность, оценить его. Именно

² Квятковский А.П. Поэтический словарь / А.П.Квятковский. – М.: сов. энци-я, 1966. – С. 312.

потому-то и говорят о языке художественной литературы как о языке образном, так как в нем так часты тропы. У каждого талантливого поэта можно выделить излюбленные приемы употребления переносных значений слов. Например, Ш.Галиев в своих стихотворных текстах часто употребляет такие тропы, как *сравнение, метафора, эпитет, олицетворение, метонимия, синекдоха*.

Сравнение — это сближение двух явлений с целью пояснения одного другим при помощи его вторичных признаков. Оно основывается на сходстве предметов и состоит из двух частей: сравниваемого и сравнивающегося компонентов. У каждого поэта свой подход к явлениям, как к источнику поэзии. Например, у Ш.Галиева тоже свое поэтическое видение, своя художественная оценка действительности. Особо надо отметить применение сравнений в его творчестве. У поэта традиционные сравнения встречаются очень редко (например, *имән кебек ирләр* “мужчины подобные дубу”). Но наиболее важным, с точки зрения художественности, является употребление в его творчестве неожиданных и оригинальных поэтических сравнений.

Ш.Галиев хорошо знаком с литературными традициями по употреблению тропов. Но он постоянно занимается поисками новых путей, с помощью которых желает придать поэтическому языку большую выразительность. Например, если до этого в произведениях других авторов понятия «одиночество» и «холодность» шли параллельно, то у Ш.Галиева это звучит в другом значении: дни, проведенные без любимых, автор приравнивает к холодным льдам и тем самым создает специфическое метафорическое сравнение:

*Синнән аерым уткән көннәрөмдөй
Күпме салкын бозлар актылар...*

“Как дни, которые провела без тебя, / Столько утекло холодных льдов”
Если традиционно *слеза* носила семантику *горькая, горячая*, то поэт дарит ей другое значение — *чистоту*.

*Тау битләрен куз яшедөй чиста
Чишмә чултылары чылатты...*

“Горные склоны омыли / чистые, как слеза, родниковые воды.”

В стихотворных текстах Ш.Галиева удачно и продуктивно применяются сравнения при описании красоты женщины и состояния ее души. Например: *Язгы кояш кебек яктырып, хәтерөмдө көлгөн чаклары* “освещая, как весеннее солнце, в памяти ее смех”; *терекөмеш кебек тере кузләр* “глаза живые, как ртуть”; *бигрәк зәңгәр икән күк, зәңгәр синең кузләр күк* “очень синее небо, синее, как твои глаза” и др.

В некоторых стихотворениях слова-образы, образованные сравнениями, эмоционально насыщаются гиперболами и усиливают свою роль: *Ята икмәк сугыш беткөчтен онытылган батыр шикелле* “лежит хлеб, как забытый боец после войны”; *Торган саен арта сагынуларым, язгы ташкыннардан ким түгел* “Все сильнее тоска, ни чуть не меньше чем весенний, бурный поток).

Тексты песен Ш.Галиева отличаются своей поэтической разработанностью, волнующему душу содержанием. Они отличаются простотой употребляемых сравнений и в то же время присущими им созвучностью и мелодичностью. Например: *яздай яшьлек* “молодость, как весна”; *минем генә йөрәк, сагындан йөдәп, бәйгедәге аттай ашкына* “только моё сердце, томясь от разлуки, торопится, как конь в скачке”.

Поэт пользуется различными средствами образования сравнений. Наиболее активно употребляются среди них: сравнительные аффиксы — дай, -дәй. -тай, -тәй (*төңкәдәй сары төс* “желтая, как монетка”); послелог в значении «как» — кебек, төсле, шикелле (*чәчәк кебек ап-ак кар* “белый, как цветок, снег”). У Ш.Галиева встречаются сравнения и без соединительной части. Они стоят как бы на грани метафоры и сравнения, близки к тому и к другому. Но в них два сравниваемых явления, поэтому перед нами скорее чистые сравнения (*йөрәк ул — юрга ат*; “сердце — это быстрый конь”; *тормыш — циферблат* “жизнь — циферблат”, *тормыш — рифма* “жизнь — рифма”)

Ш.Галиев в своих стихотворениях для детей также часто употребляет сравнения. Здесь они представлены несколько иначе: каждый элемент здесь — пример поэтического выражения, поэтического звучания детской души. Поэт прекрасно понимает, что детское восприятие мира — это начало гармоничного развития личности, удивленного, восторженного, непосредственного и открытого поэтического отношения к действительности. Это — простодушие, искренность, наивность, мечтательность и др. В детских произведениях Ш.Галиева сравнения чаще всего употребляются для описания физического состояния ребенка. Поэт приравнивает их к предметам, которые близки душе маленького героя. Например, *телевизор буды баш* “голова стала как телевизор”, *машина кук йөгерәм* “бегаю, как машина”; *каралгансың шайтан кебек* “испачкался, как черт”, *мәче сыман мыштым гына йөрибез* “ходим тихо, как киска” и др.

В юмористических стихотворениях Ш.Галиева тропы тоже становятся комическими, а некоторые из них приобретают и сатирический характер. Поэт сближает самые разные явления и события, и такое сочетание рождает комизм. Например, для описания ветреных девушек он нашел сравнения, которые рассмешат читателя, но заставят покраснеть критика: *вокзал кебек синең йөрәк, кереп чыкмаганнар сирәк* “твое сердце, как вокзал, редко кто не посетил его”; *син утлы күмер кебек: кулдан-кулга бик тиз күчәсең* “ты, как горячий уголь, быстро переходишь из рук в руки”.

Нельзя не заметить широкое использование поэтом метафор. Метафорой называется такое иносказательное слово, в котором содержится уподобление одного предмета или явления другому.³ В сопоставлении по сходству и заключается художественная выразительность метафоры: она подчеркивает в предмете или явлении один важнейший его признак и тем самым «оживляет» его, делает наглядным. Метафоры бывают языковые (утратившие образность) и поэтические (образные). Мы анализировали метафоры, создающие эмоциональный фон, сохраняющие общность образа. У Ш.Галиева традиционные метафоры встречаются редко (*мәхәббәт уты* “огонь любви”), в основ-

³ Курбатов Х Р Татарская лингвистическая стилистика и поэтика / Х Р Курбатов М.: Наука, 1978. — С.89.

ном поэт создает оригинальные метафоры. Они отличаются идейно-художественной выразительностью. Особенно в стихотворениях о безответной любви, юности, молодости мы находим более эмоционально-окрашенные метафоры: *сунгэн мэхэббэт йолдызы* “звезда угасшей любви”; *мэхэббэт иясе* “предмет любви”; *адрессыз мэхэббэт* “безответная любовь”; *исемсез хислэр* “безмянные чувства”; *жанының илахи хөле* “божественное состояние души”; *бер йотым хис* “один глоток чувства”; *куңелемнең истәлекләр дигән киносы* “воспоминания как кино моей души” и др.

Заслуживает внимания то, что среди метафор Ш.Галиева часто встречаются такие, которые образованы от одних и тех же слов. Но это нельзя расценивать как скудность образов, а наоборот, автор осторожен со словом, для него они, как драгоценный камень. Например, *хис өләшү* “раздавать чувства” (“Чөчөкләрне юлда таратсам да..”), *бер йотым хис* “один глоток чувства” (“Әй күп тө соң”), *хислэр ташый* “чувства переполняются” (“Йөрәгемнән хислэр ташый..”), *хисләрне йөгөкләү* “обуздать чувства” (“Кашкаларым”); *куңел чөчөк ата* “душа цветет”, *куңел бозы* “лед души” (“Яшьлек кебек сөендереп”), *куңел канаты* “крылья души”, (“Туган илне сагыну”), *куңел төрөзәсе* “окно души” (“Соңгы мэхэббэт”), *куңел капусы* “врата души” (“Айлы төннәр”) и т.д. Последний пример требует особого внимания: если до этого в литературе использовалось выражение врата неба, то у Ш.Галиева они приобретают новый смысл: *бөхет капусы* “врата счастья”, *илһам капусы* “врата вдохновения”, *нурлы капусы* “солнечные врата”.

При создании метафор абстрактные понятия называются конкретными именами или им присваиваются какие-то конкретные действия или свойства. Это встречается и у Ш.Галиева. Зачастую такие метафоры подчеркивают следующие образы: жизнь, век, бытие. Например, четыре этапа жизни человека – *гомернең дурт фасылы* “четыре времени жизни”, день рождения – *туу бәйрәме* “праздник рождения”. По его мнению, молодость – *тиле яшьлек* “безумная молодость”, *кайнар яшьлек* “горячая молодость”, *зәңгәр гөмбәзле бөдрә чак* “голубое безоблачное время”, а старость – *бәрхет чак* “бархатное время”, *гомер авышу* “жизнь на склоне”, *кан суыну* “кровь холодеет” и т.д. Также у поэта такие образы, как *тормыш сөхнәсе* “сцена жизни”, *гомер жебе* “линия жизни”, *язмыш кайчысы* “ножницы судьбы”, *бакый гомер* “загробный мир”, *гомер кояшы* “солнце жизни”, *вакыт инеше* “ручей жизни” помогают осмыслить абстрактные понятия.

Ш.Галиев в своих стихах для детей описывает события жизни так, словно они прошли через душу ребенка, через его мысли. В итоге создаются метафоры, которые пробуждают улыбку у читателя: лошадь – “очень простая техника” (бик гади техника), времена года – “семья года” (*ел гаһләсе*), зима – “дед” (*бабай*), весна – “девушка” (*кызкай*), лето – “сестра” (*ана*), осень – “брат” (*абый*). Поэт сближает события, которые очень далеки друг от друга. Таким образом, создается своеобразный стиль, схожий с детским представлением. Также некоторые метафоры, созданные Ш.Галиевым, помогают развивать образное мышление: медсестра (ромашка), аптека, столовая (болын “луг”), правая рука (уңагай “правша”) левая рука (суңагай “левша”) и другие метафоры.

Многие свои стихи Ш.Галиев называет метафорическими словосочетаниями, потому что эти стихи привлекают внимания детей своими названиями: *«Урман сәгәте»*

“Лесные часы”, «*Мыеклы бозау*» “Усатый телёнок”, «*Сугыш чукмары*» “Драчун”, «*Бәхет ачкычы*» “Ключи счастья”, «*Яңгыр көзгеләре*» “Зеркала дождя”, «*Ел гашләсе*» “Семья гола” и т.д.

В юмористических стихах Ш.Галиева даже метафоры приобретают комический оттенок. Например:

Өйләндем озын буйлыга.
Көткәнне күрдем менә –
Житеп кенә тора буге
Нәкъ *или шурлегемә*.

“Женился на высокой, / Что хотел, увидел вот. / Достает ведь ее рост / Прямо до моего рта. /”

Мәхәббәт турында язуге
Яшьләр эше бит, диләр.
Әмма *йөрәк хезмәтеннән*
Пенсиягә китмиләр.

“О любви писать / Дело молодых говорят. / Но от дел сердечных / На пенсию не уходят. /”

Если в первом примере слово пощечина на языке жаргона означает хлебная полка “*или шурлеге*”, то во втором случае понятие «любовь» означает труд сердечный “*йөрәк хезмәте*”.

В другом юмористическом стихотворении о любви метафора переплетается с гиперболой и приемами одушевленности.

Мәхәббәттән *куцелләргә*
Канат чыгарлык булсын.
Теләсә нинди *сагышны*
Сугып *егарлык* булсын.

“От любви в душе / Пусть вырастут крылья, / Чтобы любую грусть-тоску / С ног повалило. /”

Стихотворение «Состояние ежа» посвящено творчеству самого автора, и метафора данного произведения очень близка характеру Ш.Галиева:

Керне булдым кайбер чакларда.
Кемнәргәдер сүзем кадалган.
Энәләре очлы, димәгез,
Үткәннәре эчкә караган.

“Иногда был ежом. / Кого-то кололи мои слова. / Не говорите, что иголки острые / Их острота обращена вовнутрь. /”

Еще одно стихотворение, посвященное людям творчества:

Төнен сихэтлөп чыгар,
Бу гөнаһлар иясе,
Ә жанын инде дөвалар
Каләм хирургиясе.

“Вылечит твое тело / Этот предмет греха, / А душу твою вылечит / Хирургия пера.” В данном случае через прием метонимии предметом греха называют человека с недостатками, а хирургией пера — творческую работу.

Живой язык обладает разнообразными возможностями художественных определений предметов, явлений, действий и состояний. Поэтическое мастерство предполагает умение писателя выбрать в общенародном языке такое слово и поставить его в таком контексте, что его роль как художественного определения выступит с предельной яркостью. Такие эпитеты умел создавать и Ш.Галиев. Язык поэта очень богат эпитетами при описании природы. Например, *аяз көннәр* “светлые дни”, *тыныч сулар* “тихие воды”, *айлы төн* “лунная ночь”; *өчө жыллар* “холодные ветры”; *тыныч күлөгәләр* “спокойные тени”; *мамык карлар* “пушистый снег”; *якты тамчы* “светлые капли” и др.

Каждому явлению он находит свое описание и для достижения художественности удачно использует языковые приемы, а значит какие-нибудь обыкновенные явления украшает так, что другим не дано.

Ш.Галиев насыщает эпитетами даже абстрактные явления: *яңа, якты уйлар* “новые, светлые мысли”; *куңелләрдә моңлы жәрәхәт* “в души тяжелая рана”; *серле, татлы үзгөрешләр* “загадочные, приятные изменения”.

У Ш.Галиева обилие эпитетов: одни только слова «яшел» “зеленый” и «тәмле» “вкусный” образует несколько: *яшел болын* “зеленый луг”, *яшел витамин* “зеленый витамин”, *яшел аптека* “зеленая аптека”, *яшел яз* “зеленая весна”; *тәмле йорт* “вкусный дом”, *тәмле жәй* “вкусное лето”, *тәмле рәхмәт* “вкусное спасибо”, *тәмле уй* “вкусные мысли” и др.

В стихотворениях, написанных для детей, Ш.Галиев по-разному образно обрисовывает ветер: весной ветер сырой (*язда — дымлы*), летом — мягкий (*жәйдә — йомшак*), осенью — прохладный (*көздә — жылс*), зимой — пронизывающий (*кышта — ачы*).

В юмористических стихотворениях такие эпитеты как *акылсыз бурек*, “бестолковая шапка”, *гарантияле мөхәббәт* “любовь с гарантией”, *хәмерле гомер* “жизнь под градусом”, *миңкө бил* “квадратная талия” и др. являются приемами смеха.

В целом, у Ш.Галиева каждый эпитет находится на должном месте — не бросается в глаза как искусственное украшение, а бывает необходимым и органически сливается со всем изложением. Потому что поэт хорошо понимает, что чем непосредственнее эпитет вытекает из контекста и чем глубже разностороннее он действует на чувства и сознание читателя, тем выше его идейно-художественная выразительность.

В стихотворениях для детей Ш.Галиева необходимо отметить один из любимых приемов выразительности — *олицетворение*. Это — стилистическая фигура, наделяющая животных и неодушевленных предметов человеческими чувствами, мыслями и речью⁴.

⁴ А.П.Квятковский Поэтический словарь. / А.П.Квятковский. — М.: Сов. энцикл., 1966. — С. 183.

Это естественно, потому что ребенок в окружающем его мире все привык видеть одушевленным. Он очеловечивает животных, птиц, явления природы, вплетает их в интересные события и действия. У Ш.Галиева в детских произведениях все птицы, животные умеют разговаривать. Они делятся с детьми своими проблемами, играют с ними, приобретают в их лице верных друзей. Ребенок, прочитавший эти стихотворения, и сам того не замечая уже начинает понимать и любить природу.

Глаза ребенка одушевляют не только явления природы, птиц, животных, но и все окружающие предметы. Такое видение заимствует Ш.Галиев в свои стихотворения, и перед нами выступают такие интересные олицетворения, как: сузлек бабай (словарь-дед), сыер апа (корова-сестра), үгез абый (бык-дядя), тургайлар министры (министр жаворонков) и т.д.

Для маленького героя Ш.Галиева и железо, к которому прилип язык, и асфальт, который съел подошву туфель, – всё живое. По его мнению, дорога выходит из машины, горы складываются из труб.

Итак, стихи Ш.Галиева, написанные для детей, своим содержанием напоминают красивую сказку. Помимо всего сказанного они имеют большое воспитательное значение. Через эти стихи автор создает удивительно красивый живой мир и ненавязчиво учит детей жить.

В лирических произведениях при описании весны поэт снова обращается к своему излюбленному приему олицетворения. И не зря, ведь благодаря этому природа пробуждается и оживает: *яз килә* “весна идет”, *яз килә байрак күтәрәп* “весна идет поднимая знамя”, *күзен ачып карый бөреләр* “почки открывают глаза”; *кояш көлә* “солнце смеется”), *язның жаннары эри* “тает душа весны”.

Автор одушевляет даже дым из трубы: *мичләр төмәке тарта* “печка курит папиросу”.

Метонимия – отождествление по внешнему и внутреннему признаку совершенно разных предметов. В текстах стихов Ш.Галиева можно встретить метонимию, где предмет или явление обозначаются его признаком. Например, у поэта наряду с традиционными метонимиями (*кара күзле толымнар* “черноглазые косы”; *бөдерә чәчләр* “кудрявые волосы”), нередко встречаются и такие метонимии, которые чаще всего свойственны только его поэзии (*горур башлар* “гордые головы”, *башсызлар* “бестолковые”, *мәңгелеккә күзен йомганнар* “умершие”, *кулыннан эш килмәгәннәр* “бездельники”) и др. Здесь сходство наименований признаков какого-либо лица к нему относящихся; *зал, президиум* – замена названия содержимого названием содержащего.

Особый вид метонимии представляет **синекдоха**. Так называется слово, которое содержит переименование по количественному признаку, называет часть вместе целого⁵. Единственное число в значении общего; множественное число – в значении единственного, пером талантливого поэта преобразуются и приобретают поэтическое звучание:

⁵ Курбатов Х.Р. Сүз сәнгате: Телнең лингвистик стилистикасы һәм поэтикасы / Х.Р.Курбатов. – Казан: Мөгариф, 2002. – Б.103.

*Казаннарга тагын поезд китте,
Поезд китте сезнең яklarга.
Күнеллорем әллә нишләп китә
Поезд аваз биргән чакларда.*

“В Казань опять поезд пошел,/ Поезд пошел в ваши края / С душой моей что-то делается,/ Когда поезд сигнал подает./”

*Януларың, моңын, жырың белән
Татарның син гомерен озайттың.*

“Страстями, мелодией и песнями/ Ты продлила жизнь татар./”

В стихотворениях для детей Ш.Галиева встречаются и **оксюмороны** *уңган ялкау* “работящий лентяй”, *чиста пычрак* “чистая грязнуля”. Это стилистическая фигура, которая предполагает сочетание контрастных по значению слов, создающих новое, необычное понятие или представление.

Подытоживая вышеизложенное, можно сказать, что язык Ш. Галиева богат поэтическими средствами. Он сумел обогатить татарскую речь своеобразными тропами. В текстах поэта оживляются традиционные тропы, приобретая новое поэтическое звучание.

Вторая глава посвящена **автологическому приему** в стихотворных текстах Ш.Галиева. Поэтический текст в данном случае строится в прямом, непосредственном значении слов.⁶ Стихотворения изображают реальные поэтические явления или переживания персонажа.

Будучи поэтом-реалистом, Ш.Галиев показывает особое отношение к поэзии через простые ситуации, невидимые для глаз детали быта.

*Биш көн, биш төн сөйләшсәң да
Күнелен булмас иде...
Әле ярый аерылу бар,
Югыһса шундый шатлыклы
Очрашу булмас иде!*

“Разговаривая, пять дней и пять ночей, / Не была бы довольна. / Ладно, еще есть расставания, / А иначе такой счастливой встречи не было бы./” Здесь авторская мысль изложена в форме афоризма, согрета и одушевлена юмором в сочетании с тонкой лирикой. Суть данной мысли поэт выражает исходя из своего жизненного опыта, не опираясь на суждения других, и раскрывает через автологический прием.

Однако применение автологического приема требует от поэта особого мастерства. Обычно здесь поэтический текст бывает пронизан тем или иным видом пафоса: героическим, трагическим, лирическим или романтическим⁷. Стихотворные тексты Ш Га-

⁶ А. П. Квятковский Поэтический словарь / А.П.Квятковский. – М.: Сов. энцикл., 1966. – С.7.

⁷ Габдрахманова Л.Г. Такташның шигъри теле / Л.Г.Габдрахманова – Казан: Фикер, 2002. – Б 37

лиева, написанные автологическим приемом, отличаются лирическим пафосом и трагической направленностью (особенно в стихотворениях о войне). Например:

Этилеләр эти кадерен белми,
Ятимнәрдән, эңә сорагыз.
Сорамагыз...Әрнү, сагышларын
Кузгатып та зинһар тормагыз.

“Выросшие с отцом не знают отцам цену, / Спросите, вон, у сирот. / Нет, не спрашивайте... Горечь, тоску / Очень прошу, не воскрешайте.”

Как мы видим, в поэтических произведениях, в которых использован автологический прием, содержание, язык, звучание должны быть поэтическими. Если сказать словами Пушкина, этот прием нужно уметь отличать от политической мысли и рекламы, данной в виде частушек и прозаической речи. Настоящее поэтическое произведение должно уметь оказывать влияние на самые тонкие струны души. Именно так Ш.Галиев, используя слова в прямом их значении, тем самым, привлекая души любителей поэзии, создает произведения искусства. Его перо может приукрасить даже простые слова. Он их связывает с другими словами, раскрывая неожиданные стороны, сильно изменяет, находит новые значения.

Второй раздел этой главы называется «Слова просторечия» Ш.Галиев использует элементы социально-бытовой лексики для индивидуализации речи своих героев, обрванной передачи мысли. По своему составу их можно разделить на такие группы:

1) Лексические социально-бытовые слова: *чөмеру* “захлёбывать”, *сыптыру* “драпать”, *чабаклау* “шлёпать”.

2) Семантические просторечные элементы. Некоторые общеупотребительные слова в текстах поэта имеют стилистически обусловленные переносные значения: слово «пешеру» в прямом значении имеет значение «варить, готовить», а Ш.Галиев в одном из стихотворений для детей использовал его в переносном значении, как “обругать, наказать”.

3) У Ш.Галиева можно встретить и фонетические просторечные выражения – заимствованные слова, которые употребляются фонетически упрощенном варианте: *станса* “станция”, *кәнишне* “конечно” и др.

4) Иногда у поэта слова просторечия употребляются в роли вводного слова или обращения. Например: *аллам сакласын* “господи, сохрани”; *жәным* “душа моя”; *шөкер әле* “слава богу”; *хәер* “но, иначе”.

5) В своих детских стихотворениях Ш.Галиев употребляет такие слова-просторечия (*мульти-пульти* “мультфильм”, *дөбер-шатыр* “грохот”), которые близки к речи маленького героя.

6) В юмористических стихотворениях поэт использует диалектизмы и иноязычные заимствования в целях художественной выразительности.

В целом, у Ш.Галиева просторечные элементы выполняют идейно-художественную функцию. Наличие, а иногда обилие их у поэта свидетельствует о его идейной близости к народу.

В третьей главе исследуются способы употребления фразеологических оборотов и пословиц в поэтических текстах Ш.Галиева.

Ценность фразеологизмов в стихах показывает совершенство культуры и мастерства речи поэта. Ш.Галиев нередко обращается к таким выражениям. Он использует их для выражения своих мыслей, чувств: при описании ненависти, ярости — *теш кысу* “сквозь зубы”, *муены астына килу* “чтоб свернул себе шею”, *тел тартмау* “язык не поворачивается”, *сират купере* “мост над адом”, при описании собственного счастья — *кая басканны белмәу* “прыгать от счастья”; *тубәсе кукхә тию* “быть на седьмом небе”; *гайрәт чөчү* “храбрить”; *жан өрү* “оживлять” и др.

Если чувства и переживания не воплощаются в готовые образы, поэт создает собственные фразеологические обороты. Например, о состоянии человека после ярости он пишет — *кан суынган* “кровь похолодела” (обратное кровь кипит), о людях с переменчивыми нравами — *һаваң үзгөрө* “погода меняется”.

В детских произведениях Ш.Галиев использует фразеологизмы для характеристики маленьких персонажей. Например, *кот ботка төшү* “душа в пятки ушла”, *тукран тәүбәсе* “пустые обещания”, *авыз сулары килү* “слонки потекли”, *комнан бау ишү* “вить веревку из песка”, *судан коры чыгу* “выйти сухим из воды”, *юкны бушка авыштыру* “из пустого в порожнее переваливать”, *жан-фәрманга чабу* “бежать во все лопатки”, *трай тибү* “бить баклуши” и др. Здесь особый интерес вызывают фразеологизмы, которые преобразованы самим поэтом: *юкны бушка бушату* “бездельничать”, *күзләреңнән су чыга* “плакать”, *жан-фәрманга бару* “ходить очень быстро” и др.

А в юмористических произведениях фразеологизмы выражают основную идею произведения:

...Әйтә икән бу осталар:
- Без беләбез чама, — дип, —
Жаен белеп эшлэгәндә
Акмаса да тама бит!

“Сказали эти мастера: / “ Мы знаем норму, / Если знаешь, толк в работы, / Если не течет то, / Хотя бы капают”./”

Еще одна особенность творчества Ш.Галиева — это широкое и уместное употребление народных пословиц. Поэт хорошо знает, что благодаря пословицам мысль выражается не только значительно точнее, но и более образно и, самое главное, значительно более информативно.

Творчески работающий поэт Ш.Галиев не только берёт готовые в общенародном языке пословицы, поговорки и идиомы, но создает подобные выражения и сам. По своему содержанию и структуре они не хуже народных. Так, например, в качестве крылатого выражения в общенародную сокровищницу вошел татарский афоризм “Ис-әннәрнән кадерен бел, үлгәнпәрнән каберен бел” “Знай цену живым и могилы умерших”. Сейчас многие даже не знают, что это выражение Ш.Галиева. Афоризмы, созданные автором про любовь, тоже выражают житейскую мудрость поэта: *бөхет бит ул була күзгә чалынмаучан, бөхетлеләр була телгә алынмаучан* “настоящее счастье не бро-

сается в глаза, а о настоящих счастливых не принято говорить”; *өле ярый аерылу бар, югыйсә шундый шатлыклы очрашу булмас иде* “хорошо, что есть расставания, иначе не было бы счастливых встреч”.

В процессе творческой практики Ш.Галиева происходит постоянное взаимодействие между языком народа, из которого он черпает все ресурсы, и языком его произведений, где он эти ресурсы обрабатывает и пополняет. Это заметно в детской поэзии поэта. Например, в стихотворениях «Кое көзгесе», «Кем кояшы кайчан чыга?», «Энә карагы» встречаются такие пословицы: *коега төкерәм дип, үз битенә төкергән* “хотел плюнуть в колодец, да плюнул в себя”; *кем бөхетен зштә күрә, кем бары тик төштә күрә* “кто счастье видит в работе, кто только во сне”; *начар исем бер ябышса, булмый икән котылып* “если плохое имя прилипнет, от него нельзя избавиться”.

В юмористических стихах Ш.Галиева пословицы употребляются тоже нередко. Автор частенько, чтобы посмеяться над каким-либо явлением, использует подходящую поговорку и придумывает анекдотичное решение. Например:

Чибәр артыннан кума -
Жете кызыл тиз уңа!

“Не гонись за красавицей / – Ярко-красный очень быстро выцветает! /”

Әле хәзер дә жаным син,
Шикәрем син, балым син,
Тик гаепкә алмачы:
Күпкә китсә – бал да ачы!..

“Еще пока ты душа моя, /Сахар мой, мёд мой / Только не бери в обиду: / Если много – и мёд кислый./”

Бигрәк озак көтөбез, дип,
Булса берәр дөгвәлаучы,
Доктор әйтә:
- Вақыт бит ул
Үзе иң шәп дөвәлаучы!

“Очень долго ждем, / – Жалуется один. / Доктор говорит: / “Время ведь само/ Самый лучшей лекарь! /”

Заглавия некоторых произведений заменены пословицами, например, «тормыш көрәшсез булмый» “жизнь не бывает без борьбы”, «халык әйтсә – хак әйтә» “народ скажет – правду скажет”, «кеше хален кеше белми» “состояние одного человека не знает другой”. Можно даже сказать, что они стали мотивом рождения стихов: ими начинается стихотворение или ими заканчивается.

Сочетание народного творчества с оригинальными пословицами не мешает автору проявлять индивидуальный стиль, а наоборот, обогащает его поэзию, углубляет звучание содержания.

В четвертой главе рассматривается поэтический синтаксис в текстах Ш.Галиева. В стихотворных строках предложения бывают различных видов, это зависит от цели экспрессии, строения строфы и рифмы, эвфонии. В этом отношении особо следует выделить инверсию и стилистические фигуры.

В татарском языке, как известно, существует определенный порядок слов в предложении, который принято называть «прямым». При прямом порядке в предложении главное слово находится в препозиции по отношению к сказуемому, а при наличии конкретизирующего отношения между словами, главное слово находится в постпозиции по отношению к зависимому⁴. В эмоционально насыщенной речи, особенно в поэзии, часто наблюдается «обратный» порядок слов, т.е. инверсия.

Инверсия, как один из широко применяемых синтаксических приемов в поэтической речи, довольно часто употребляется Ш.Галиевым, причем в различных целях. Например:

Кайталмасын синец *беләм дә мин,*
Торган саен күбрәк сагынам.

“/Что не приедешь, знаю я, чем больше жду, тем больше скучаю./” В данном отрывке наблюдается инверсия подлежащего и сказуемого *беләм дә мин* “знаю я”. Сказуемое выдвинуто вперед для того, чтобы акцентировать внимание на слово “беләм”. И это демонстрирует глубокие переживания героя.

Чувствуя и осознавая это значение инверсии, Ш.Галиев использует ее, перемещая те слова, которые наиболее важны для создания художественного образа и для привлечения к ним особого внимания. Чаще всего инверсии в лирических текстах подвергаются эпитеты:

Юлларның *кызык узылмаганы,*
Китапның *кызык укылмаганы,*
Язларның *тансык күрелмәгәне,*
Кызларның тарта *убелмәгәне.*

“Дороги интересны не пройденные,/ Книги интересны не прочитанные,/ Весны желанны долгожданные,/ Девушки привлекают не целованные./”

Здесь определения-эпитеты поставлены после определяемого слова не только для рифмы, но и потому, что при таком построении эти слова делаются более “сильными”, на них ставится логическое ударение. Они приобретают ярко выраженную эмоциональную окраску.

Можно заметить, что в детских стихотворениях Ш.Галиева часто наблюдается инверсия дополнения и сказуемого.

Ялмагыз заводны,
Ватмагыз кибетне —
Бирегез конфетны.

⁴ Закиев М.З. Татарская грамматика: В 3 т. — Т. 3. Синтаксис / М.З.Закиев — Казань: Фикер, 1995 — С. 332

“Не закрывайте завод, / Не ломайте магазин — / Дайте конфету!”

Здесь дополнения, занимая позицию после глагола, приобретают особую интонацию: выражают радостную взволнованность маленького героя и произносятся с некоторым усилением голоса. В итоге фразы становятся более выразительными.

К синтаксическим фигурам относятся все виды повторов (простой повтор, анафора, эпифора), а также градация, антитеза, хиазм, синтаксический параллелизм и др., которые придают поэтической речи музыкальное звучание.⁹

Первый вид повторов — это простой повтор. Он довольно часто встречается в лирических произведениях Ш.Галиева. Они помогают усиливать эмоциональность речи и создают зрительно-слуховой образ. Например:

*Балан жыям кезге бакчада мин,
Әнкәйләрдән калган балан, дип,
Балан, балан дигән сүзләр миңа
Ишетелә балам, балам, дип...*

*“Калины собираю в осеннем саду я, / От мамы осталась калина./ В словах калина,
калина, / Мне слышатся: “Дитя моё, дитя моё”./ ”*

С такой же выразительностью используются **анафоры**. Она означает единое начало строк или строф одним и тем же словом или словосочетанием. У поэта можно выделить повторы первой, второй, третьей и даже четырех строк. Например:

*Нурлы иде коңгырт күзләрен,
Нурлы иде һәрбер кәлгәнен,
Нурлы иде һәрбер кәлгәнен,
Нурлы иде ап-ак күлмәген.*

“Лучистыми были карие твои глаза, / Лучистым был каждый твой смех, / Лучистым был каждый твой смех, / Лучистым было твоё белое-белое платье./”

Эпифора — обратная форма анафоры. Например:

*Йөрмә кибет алдында,
Көрмә кибет артына,
Яратмыйча сөйлиләр,
Сезнең ишләр хакында...
Әни дим,
Эчмә инде!*

“Не ходи перед магазином, / Не заходи за магазин, / Не любя рассказывают о таких как вы, / “Мама, — говорю, — не пей уж!”/”

Последняя строфа из этого отрывка в стихотворном тексте, повторяясь после каждого абзаца, придает стихотворению особенно эмоциональный оттенок и выражает

⁹ Курбатов Х Р Татарская лингвистическая стилистика и поэтика / Х.Р.Курбатов М · Наука, 1978 — С. 130

трогательное желание ребенка. Следует отметить, что у Ш.Галиева эпифора встречается сравнительно редко.

В лирических текстах Ш.Галиева можно встретить еще один из видов повторов акромONOграмму. Это — лексико-композиционный прием, заключающийся в повторении конца стиха в начале следующего.¹⁰ Если остальные повторы используются для усиления чувств, то этот создает определенную последовательность мыслей. Например:

Таулар кечерөйгән, ө кешеләр,
Ә кешеләр нинди үскәннәр!

"Торы уменьшились, а люди. / А люди как выросли!/"

Мин сине күрергө теләм,
Күрергө гена,
Икәүләп йөрергә теләм,
Йөрергә генә.

"Я хочу тебя увидеть, / Только увидеть./ Вдвоём ходить хочу,/ Только ходить! /"

Ш.Галиев в своем творчестве работает также над словообразованием. Особенно это заметно в детских стихотворениях. В процессе словообразования в свет выходят интересные, смешные слова, которые передают детское восприятие окружающего мира. и даны эти слова в прямом значении. Например, слова *сарыкмахерская, сикерткә, уңагай, суңагай, чумлион* из числа таких.

Антитезой в широком смысле слова называется всякое противопоставление, а в стилистике — такой прием построения фразы, когда в одном словосочетании рядом стоят слова, обозначающие противоположные понятия.¹¹ Примеры использования этой стилистической фигуры с большей выразительностью встречаются у Ш.Галиева. Например, своеобразно использован прием антитезы поэта в следующем стихотворении:

Начар уйлар — кара төн кебек,
Якты уйлар — сүнмәс кояшлар,
Кояшлары булган кешеләр
Караңгыга ирек куймаслар.

"Плохие мысли — как темные ночи, / Светлые мысли — не угасшее солнце, Люди, у которых есть свое солнце, / Не дадут свободу темноте."

В юмористических стихотворениях поэт использовал антитезы для сатирико-юмористических красок. Выразительность антитезы здесь состоит в том, что сочетание противоположных по значению слов резко оттеняет значение того и другого и поэтому делает характеристику явлений и мысль автора более ярким и смешным. Например:

¹⁰ Квятковский А.П. Поэтический словарь / А.П. Квятковский. — М : сов. энц-я, 1966. — С. 13.

¹¹ Хаков В.Х. Стилистика һәм сүз сәнгате / В.Х. Хаков. — Казан: Тат кит.нәшр., 1979. — Б. 64

“- Сүз куертмыйк!” - дия-дия
Теле-телгә йокмады;
Йокыны төмам куертты
Фикерне сыеклады...

“Не сгущайте слово,» – говоря, / Стал заплетаться язык; / Сон в конец сгустился. /
А мысли рассеялись./”

Поэт не обходит стороной и прием градации, который основан на повторении контекстуальных синонимов для усиления экспрессивности поэтической речи. Например:

*Сөендереп, сокландырып, таң калдырып
Жиребезгә яңа жинү яулыг Казан!*

Радуя, восхищая, поражая / Казань приносит новую победу! /

*Яшисең ил гамен кайгыртып -
Уткөнөн, бугенен, килерен*

“Живешь, заботами переживая – /Прошедшее, сегодняшнее и завтрашнее.” Данные примеры еще раз доказывают, что Ш.Галиев виртуозно владел богатым лексическим арсеналом родного языка.

Для большой экспрессивности поэтом используются приемы риторического восклицания и риторического вопроса. Суждение, высказанное в вопросительной форме, приобретает особую выразительность, потому что вопросительная форма настораживает внимание, заставляет подумать, следовательно, и глубже воспринимать мысли, и пережить те чувства, которые автор выражает. Например:

*Багалмасы юк шул кочакта,
Жилләр уйный жиңел ботакта;
Иң авыры аның шул чакта,
Сез беләсез микән шул хакта?*

“Ребенка нет в объятиях, / Ветер играет на легких ветвях; / Самое трудное время. /
Знаете ли вы об этом?!”

В целом, синтаксический строй речи способствует и живости изображения характеров, и яркости выражения автором своего мировосприятия.

В пятой главе исследуются ритмические особенности стихотворных текстов Ш.Галиева. Стих – ритмически организованная экспрессивно-эмоциональная речь. В татарском языке основное место занимают две основные метрические системы: силлабика и аруз.

Аруз – количественная система стихосложения, которая в основном применялась в древней и старой татарской поэзии. Зачастую его называют то книжным стихом, то классическим стихом.¹²

¹² Госман Х. Татар шигыре / Х. Госман. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1964. – Б. 21.

Силлабическое стихосложение является народным стихом, так как оно свойственно, прежде всего, устному народному творчеству, а также современной письменной поэзии.¹³ Тюркоязычные поэты (точнее авторы песенных текстов) постепенно выработали систему стихосложения, в которой в определенном порядке следует то или иное количество слогов, а в большинстве случаев после какого-либо числа слогов по вертикали по всей строке проходит межсловесная цезура.¹⁴

В текстах Ш.Галиева употребляются разнообразные формы силлабики. В лирических стихах автора наиболее часто встречаются метр восемь на семь (обычно с цезурой после четвертого слога) и метр десять на девять (с цезурой после четвертого и шестого слогов).

Сез шагыйрьдән/ бүген/ жыр көтмөгез, //	10
Үзе өчен/ генә/ мондиансың, //	9
Үзе өчен/ генә/ бер жырласың, //	10
Арышларын/ кочып/ жырласың... //	9

Также встречаются у него девятисложный (цезура после третьего и шестого слогов) и двенадцатисложные метры (цезура после четвертого и восьмого слогов):

Үкенечле/ мәхәббәтләр/ көчле була,	12
Таһир-Зөһрә/, Ләйлә-Мәжнүн/ төсле була...	12
Әгәр алар/ безнең көндә/ табышсалар?	12
Хәвеф-хәтәр/, фаҗигасез/ кавышсалар?	12

“Раскаянная любовь бывает сильной, / Бывает как Таһир-Зөһрә, Ләйлә-Мәжнүн / Если бы они нашли друг друга в наши дни? / Соединились бы без опасности и трагедии? /”

А детские стихи поэта написаны, в основном, семисложным метром. Здесь они сокращаются даже до шести, пяти, четырех, трехсложного метра. Например:

Йез суда, 3
 Чум, коен — 3
 Булырсың 3
 Чумпион! 3

“Плавай в воде, / Ныряй, купайся. / Будешь чемпион! /”

Существенным признаком стихотворной речи, кроме ритма, является **рифма**. Рифмой называется звуковой повтор в конце стиха, начиная с последнего ударного слога.¹⁵ Рифма для Ш.Галиева — яркий и обязательный признак стихотворной речи, у него нет стихотворений без рифмы. Он использует их не только для ритмического значения. Его рифмы имеют также и смысловые значения: рифмующееся слово, сто-

¹³ Курбатов Х.Р. Татарская лингвистическая стилистика и поэтика / Х.Р. Курбатов. — М.: Наука, 1978. — С. 162.

¹⁴ Габдрахманова Л.Г. Такташнын шигъри теле / Л.Г. Габдрахманова — Казан: Фикер, 2002. — Б. 58

¹⁵ Сорокин В.И. Теория литературы / В.И. Сорокин — М.: Учпедгиз, 1960. — С. 187.

ящее под ударением и поставленное в конец стиха, привлекает к себе особое внимание. Например:

Шактый еллар күрми торганнан сон
Юлыгасың берәр *танышка*.
Кочагыңны жәеп килмә, имеш,
Ни гомерләр үтеп *табыш та!*

“Не видя несколько лет. / Встречаешь одного знакомого./ Не раскидывай руки, / Сколько бы времени ни прошло!”

У Ш.Галиева стихи часто рифмуются по формуле *абаб*: первый – с третьим, второй – с четвертым и т.д. Встречаются и смежные рифмы по формуле *аабб*. Здесь рифмуются два рядом стоящих стиха. Например:

Ак кыраулар, жиргә *яудылар*
Алмагачны куырып *алдылар*,

“Белый иней выпал на землю / Заморозили яблони”

Все элементы стиха, будучи взаимосвязаны друг с другом, в конечном счете, вытекают из идейно-тематического содержания произведения; все они последовательно определяются тем, что и как изображает поэт-художник в своем произведении.

В заключении подводятся итоги исследования. В процессе работы пришли к следующим выводам:

1. Ш.Галиев мастерски и оригинально использует различные формы металогических и автологических приемов словоупотребления. В своих стихотворных текстах поэт часто употребляет такие тропы, как сравнение, метафора, эпитет, олицетворение, метонимия, синекдоха. У поэта немало стихов, написанных автологическим приемом. Они отличаются лирическим пафосом и трагической направленностью (особенно в стихотворениях о войне).

2. Отличительной особенностью поэзии Ш.Галиева становится умение мастерски использовать традиционные народные фразеологизмы и пословицы вместе с собственными фразеологическими сочетаниями.

3. В своих произведениях Ш.Галиев широко использовал синтаксические возможности татарского языка. Его излюбленными синтаксическими приемами являются разные виды повторов (анафора, элифара, акромONOграмма), риторический вопрос, инверсия, а также градация, антитеза.

4. Для индивидуализации речи своих героев, образной передачи мысли Ш.Галиев использует и слова просторечия. Наличие, а иногда обилие их у поэта свидетельствуют о его идейной близости к народу.

5. Ш.Галиев разнообразил размеры стихов. В лирических текстах автора наиболее часто встречаются метр восемь на семь (обычно с цезурой после четвертого слога) и метр десять на девять (с цезурой после четвертого и шестого слогов). А детские стихи поэта написаны, в основном, семисложным метром. В юмористических стихотворени-

ях они сокращаются даже до шести, пяти, четырех, трехсложного метра. Рифма для Ш. Галиева – яркий и обязательный признак стихотворной речи, у него нет стихотворений без рифмы.

Поэтические тексты Ш.Галиева занимают значительное место и в обогащении татарского литературного языка.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Төхфәтуллина Ә.Г. Ш.Галиевнең балалар өчен язылган шигырьләрендә автологик алым. (Автологические приемы в детских стихах Ш.Галиева) / Ә.Г.Төхфәтуллина // Милли мәдәният – 2001. – Казан: ТДГИ, 2002. – 78-81 б.

2. Төхфәтуллина Ә.Г. Ш.Галиевнең балалар өчен язылган шигырьләрендә металогик алымның бер төре буларак чагыштырулар. (Сравнения как вид металогических приемов в детских стихах Ш.Галиева) / Ә.Г.Төхфәтуллина // Фәнни язмалар – 2001. – Казан: РИЦ “Школа”, 2002. – 112- 116 б.

3. Төхфәтуллина Ә.Г. Ш.Галиевнең балалар өчен язылган шигырьләрендә жанландырулар. (Олицетворения в детских стихах Ш.Галиева) / Ә.Г.Төхфәтуллина // Фәнни язмалар – 2002. – Казан: РИЦ “Школа”, 2002. – 69- 73 б.

4. Төхфәтуллина Ә.Г. Ш.Галиев шигырьләренең текст төзелеше. (Строение текста стихов Ш.Галиева) / Ә.Г.Төхфәтуллина // Фәнни язмалар – 2003. – Казан: РИЦ “Школа”, 2004. – 114- 123 б.

5. Төхфәтуллина Ә.Г. Ш.Галиевнең балалар өчен язылган шигырьләренең текст төзелеше. (Строение текста стихов для детей Ш.Галиева) / Ә.Г.Төхфәтуллина // Милли мәдәният – 2003. – Казан: ТДГИ, 2004. – 123-132 б.

Лицензия № 0209 от 06.10.97

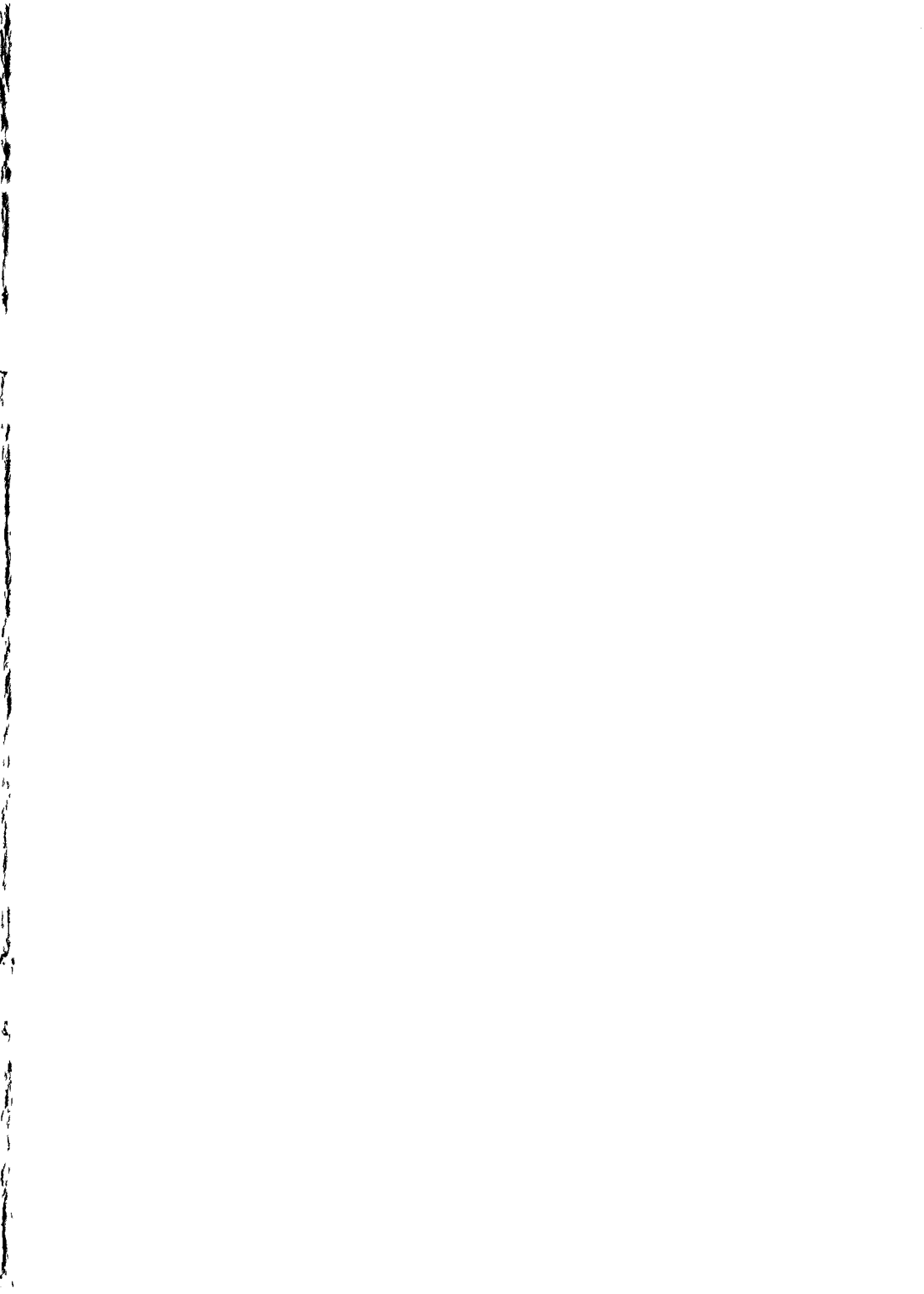
Сдано в набор 27.01.2006. Подписано к печати 27.01.2006.

Формат 60x84 ^{1/16}. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать ризографическая.

Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ К-17.

Министерство образования и науки РТ.
Редакционно-издательский центр «Школа».
420111, Казань, Дзержинского, 3. Тел.: 292-24-76
Отпечатано на множительном участке центра.

2006A

651

■ - - 651